

А.М. Лидов

Святой Мандилион. История реликвии

// Л.М. Евсеева, А.М. Лидов, Н.Н.Чугреева. Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005

День 16 августа 944 года стал самым важным в истории Нерукотворного образа Христа на плате, который назывался в Византии “Святым Мандилионом”¹ (TO AGION MANDYLION), а в Древней Руси “Святым Убрусом” или «Спасом Нерукотворным»². В этот день великая реликвия, накануне торжественно перенесенная в Константинополь из далекого сирийского города Эдессы, была помещена в церкви-реликварии Большого дворца среди других важнейших святынь империи. С данного момента начинается общехристианское прославление Мандилиона, который становится едва ли не главной реликвией византийского мира³. В списках константинопольских святынь и паломнических описаниях он устойчиво занимает одно из первых мест.

В церковном календаре на 16 августа устанавливается ежегодное празднование “Перенесению Нерукотворного Образа из Эдессы в Константинополь”. Вскоре после 944 г. создается особая “Повесть о Нерукотворном Образе”, авторство которой было приписано византийскому императору Константину VII Багрянородному — непосредственному участнику событий (далее Повесть)⁴. Это сочинение стало основным источником сведений о Мандилионе, его сокращенные и отредактированные версии вошли в минологию и прологи всего православного мира⁵.

Два предания о возникновении Нерукотворного Образа

В середине X в. создателю Повести были известны два предания о возникновении Нерукотворного образа Спасителя. Согласно первой истории, топарх Эдессы по имени Авгарь, страдавший от тяжелых болезней, узнал о чудесах Христа и уверовал в Него. Он отправил Спасителю письмо с просьбой прийти и исцелить его (ил. 2,3,4). Своему посланнику Анании, который умел рисовать, Авгарь поручил также сделать портрет Христа. Спаситель, получив письмо, написал ответ, в котором обещал не видевшему Его, но уверовавшему, Авгарю исцеление и жизнь вечную, а его городу Эдессе защиту и неприступность. Кроме того, Христос, *“умыв водой лицо, а затем вытерев с него влагу поданным Ему полотенцем, соизволил божественным и неизреченным образом запечатлеть на нем Свои черты”* (Повесть, 13). Письмо и плат с Нерукотворным Образом были даны Анании для Авгаря, чтобы тот получил избавление от страданий и болезни⁶ (ил. 5).

Не менее авторитетным византийский автор X в. считает и другой рассказ о возникновении Мандилиона, который в данной версии рассматривается как реликвия, напоминающая о страстях Господних. Нерукотворный Образ возникает во время молитвы в Гефсиманском саду, когда

Христос предвидит свои крестные муки: *“Когда Христос должен был идти на вольную смерть, когда, являя человеческую немощь, Он явился борящимся и молящимся, когда пот капал с него, подобно каплям крови, как указывает евангельское повествование (Лк. 22:44), тогда говорят, взяв у одного из учеников этот ныне видимый кусок ткани, он вытер им ручейки пота, и тотчас отпечатался Его боговидный образ”* (Повесть, 17). После Вознесения Христа апостол Фома передал Нерукотворный Образ апостолу Фаддею, которого он послал к Авгарю во исполнение обещания Христа. При виде апостола, принесшего Мандилион, Авгарь мгновенно исцелился, возложив плат себе на голову, глаза и уста. Он изучил *“отпечаток образа на льне”* и поразился его чудотворной силе, а апостол Фаддей рассказал ему об *“изображении без красок от пота”* (Повесть, 21). Апостол Фаддей, совершив множество чудес и исцелив всех больных в Эдессе, крестил Авгаря и его семью. Новокрещенный властитель Эдессы прославил Нерукотворный Образ. Он прикрепил его к доске, украсил золотом, написав на образе слова: *“Христе Боже, надеющийся на Тебя не погибнет”* (Повесть, 25), и установил перед главными воротами города на том месте, где ранее находилась статуя почитаемого греческого божества. И каждый должен был поклониться *“чудотворному образу Христа”* как новому небесному покровителю града (ил. 8).

Мандилион в Эдессе

Автор Повести императора Константина проделал незаурядную источниковедческую работу, и, стремясь к исторической достоверности, собрал доступные в середине X в. свидетельства о Мандилионе. Он прямо ссылается на четвертую книгу *“Церковной истории”* Евагрия Схоластика (VI в.)⁷ и текст *“Послания восточных патриархов императору Феофилу”* (IX в.)⁸. Однако и этот образованный византийский историк не смог привести ни одного раннего свидетельства о Нерукотворном Образе Эдессы.

Действительно, первый недвусмысленный рассказ о Мандилионе приводится Евагрием в конце VI в. До этого времени об Эдессе, переписке Христа с Авгарем и реликвии святого письма подробно сообщают в начале IV в. Евсевий Кесарийский⁹ и в конце этого столетия паломница Эгерия¹⁰. Однако они даже не намекают на существование Мандилиона. Византийский историк Прокопий Кесарийский, рассказывая о современных ему событиях осады Эдессы персами в 544 г., также ничего не говорит о Нерукотворном Образе и сообщает лишь о Письме Христа¹¹. А речь, тем не менее, идет об осаде, во время которой, согласно более поздней *“Истории”* Евагрия Схоластика, Мандилион совершил великое чудо спасения Эдессы. Подобное умолчание позволяет ряду исследователей считать, что предание о Мандилионе сформировалось не ранее середины VI в.¹², возможно, в связи с неким существовавшим в Эдессе портретом Христа.

Сирийский апокриф начала V в. *“Учение Аддая”* рассказывает, что царский живописец Ханнан-архивист, посланный Авгарем, *“нарисовал образ Иисуса лучшими красками”*: этот *“рукотворный”* портрет был принесен в Эдессу и торжественно помещен в одном из покоев дворца Авгаря¹³. Однако в вольном греческом переводе этого текста, так называемых *“Деяниях Фаддея”*,

датируемых первой половиной VII в., уже появляется история о Нерукотворном образе Христа на плате¹⁴.

Нерукотворный Образ занимает важное место в ранних армянских источниках, поскольку Авгарь рассматривается ими как армянский царь. В основополагающей “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци (V или VIII в.) сообщается о послании Христа. Его принес “Анан, вестник Авгаря, вместе с изображением лика Спасителя, которое хранится в городе Эдессе и поныне”¹⁵. В “Истории рипсимянских святых”, приписываемой Мовсесу Хоренаци, приводится важное свидетельство, отнесенное к эпохе императора Диоклетиана. Отправившиеся из Иерусалима в Армению на поиски иконы Богоматери, св. Рипсима и ее спутницы “пришли в город Эдессу, и, поклонившись изображению Спасителя, исполнились радости, считая, что видели облекшееся в плоть Слово. И вновь появление чудесных видений побуждало их к отшельничеству. И некоторые из жен, отделившись от них, остались в этом городе, в большой церкви Авгаря, основанной Фаддеем”¹⁶. О поклонении некоему образу Христа в Эдессе сообщает и одно сирийское житие VI в.¹⁷

Однако самым ранним, и на долгое время единственным, сообщением именно о Нерукотворном Образе в Эдессе остается текст “Церковной истории” Евагрия Схоластика (IV, 27), датируемый 594 г.¹⁸ Во время осады войсками персидского шаха Хосрова город был спасен чудом от “нерукотворной иконы, которую не руки людей создали, а Христос Бог Авгарю прислал, когда тот страстно желал его лицезреть”. Икона была принесена в подкоп, при помощи которого горожане собирались поджечь осадные укрепления персов. Образ окропили водой, после чего несколько капель брызнули на дрова, которые чудесным образом загорелись. Возникший огонь полностью уничтожил персидские сооружения, что привело к снятию осады.

Повесть императора Константина дополняет краткий рассказ Евагрия и на основе неизвестных нам источников, а также излагает историю Мандилиона от появления в Эдессе до осады 544 г. В ней говорится, что внук Авгаря отступил от христианства и решил уничтожить Нерукотворный Образ над воротами города. Узнав об этом, епископ Эдессы закрыл “полукруглую нишу” с Мандилионом черепицей, предварительно поставив перед Нерукотворным Образом светильник (ил. 9). Историк специально отмечает, что черепица была нужна для предохранения “несущего образ полотна” от сырости и гниения (Повесть, 28).

На несколько столетий о спрятанном Мандилионе забыли. И лишь во время осады Эдессы персидским царем Хосровом, когда, казалось, ничто не могло спасти жителей города, епископу Евлалию явилась ночью “некая прекрасная вооруженная жена”, которая открыла ему местонахождение Нерукотворного Образа. Евлалий нашел Мандилион неповрежденным, а находившийся рядом с ним светильник непогасшим (ил. 10). “На поставленной же перед светильником для сохранности черепице отпечаталось другое подобие того подобия — оно и поныне хранится в Эдессе” (Повесть, 32). Далее следует рассказ о подкопе. Однако в отличие от истории Евагрия о возжигании огня, дрова зажигаются не водой, которую освятила икона, но каплями масла от светильника, получившего чудотворную силу от многолетнего пребывания

рядом с Нерукотворным Образом (ил. 11). Божественное возмездие было усилено особым священнодействием — епископ Евлалий, подняв Мандилион над головой, обходил по стене город: неожиданный порыв ветра раздул пламя и направил его на персов.

В этом замечательном рассказе можно отметить целый ряд устойчивых архетипических мотивов (топосов), которые закрепляются в восточнохристианских сказаниях о чудотворных иконах, особенно после победы иконопочитания в 843 г. К их числу относятся: сохранение замурованной и чудесное обретение, после божественного видения, прославленной иконы; таинственно горящая, но несгорающая свеча или светильник, которые сами становятся чудотворными; омовение святого образа водой, после такого освящения обретающей чудотворную силу; использование иконы как апотропея (защитного оберега) и палладиума (небесного покровителя), размещаемого около врат; литургическая процессия (*лития*) со святым образом вдоль стен города, который тем самым получает высшую защиту. Последний обряд, хорошо известный в Константинополе, по настоящее время используется в богослужениях православной церкви. Можно думать, что для многих из этих мотивов Повесть императора Константина о важнейшей чудотворной иконе послужила источником и архетипическим образцом.

Нерукотворные образы и рукотворные списки

Отдельного рассмотрения заслуживает мотив воспроизведения чудотворного образа — появление как нерукотворных, так и живописных копий. В Повести говорится о двух нерукотворных отпечатках со Св. Убруса на черепице. Одно “Святое Чрепие” (TO AGION KERAMIDION), чудесно появившееся напротив Мандилиона в нише над воротами, сохранялось в Эдессе до 968 г. По свидетельству византийского историка Льва Диакона, в этом году император Никифор Фока передал реликвию в константинопольскую церковь Богоматери Фаросской, где с 944 г. хранился Мандилион¹⁹.

Другое Святое Чрепие почиталось в Иераполисе. Согласно Повести, Аняния, возвращаясь из Иерусалима в Эдессу, остановился у стен Иераполиса, где спрятал Мандилион в куче недавно изготовленных черепиц. Около полуночи над местом нахождения реликвии показался “великий огонь”, напоминавший пожар: это сияние исходило от святого образа. На близлежащей черепице появился нерукотворный отпечаток, который жители города оставили у себя и еще в эпоху создания Повести (около 944 г.) хранили как “священное наследие и драгоценное сокровище” (Повесть, 14). В 967 г. Никифор Фока переносит и эту реликвию в Константинополь²⁰. Интересно, что сирийское предание сообщает об отпечатках на двух черепицах, которые находились в храме Иераполиса, а позднее были доступны для обозрения в церкви, основанной апостолом Филиппом²¹.

Согласно древнему преданию, черепица с Нерукотворным ликом Христа была принесена в Грузию из Сирии св. Антонием Марткопи — одним из основателей грузинского монашества VI в. Эта национальная реликвия, которая, согласно тексту жития святого, “чудотворит по сей день”, определила исключительное почитание Нерукотворного Образа в Грузии²².

Способность к мистическому воспроизведению являлась важной отличительной чертой нерукотворных образов Христа. В VI в., когда в Византии еще не знали об эдесской святыне, широчайшей известностью пользовался Нерукотворный Образ на плате из малоазийского селения Камулиана. Эта реликвия в 574 г. была перенесена в Константинополь, где стала палладиумом империи, который брался в важнейшие военные походы и рассматривался как истинный предводитель христианского воинства в битвах с неверными²³. Камулианский льняной плат с Нерукотворным ликом Христа был обнаружен плавающим в источнике некоей Ипатией, которая прикрепила чудотворную ткань к своему головному убору. И тогда, говорит предание VI в., образ Христа отпечатался и на этом платке. Для нерукотворных образов были построены две церкви. Кроме того, вскоре после обретения был сделан особый список с Камулианского образа для церкви в селении Диабудин, который также прославился как чудотворный.

Аналогичное умножение реплик Мандилиона происходило и в Эдессе. В Повести рассказывается о первой рукотворной копии, сделанной для персидского царя Хосрова вскоре после его неудачной осады Эдессы (Повесть, 39–42). Согласно этому преданию, возможно отразившему некоторые исторические факты, одержимая бесом дочь Хосрова заявила, что избавить ее от беса может лишь Нерукотворный Образ из Эдессы. Хосров, памятуя о чуде при осаде города, затребовал Мандилион к себе. Однако, не рискуя посылать подлинную святыню, жители Эдессы послали Хосрову копию, *“списав сходный во всем и подобный, насколько можно было, неписаному писанный образ и сделав его по возможности одинаковым”* (Повесть, 40). Иконы-списка оказывается достаточно для совершения чуда изгнания беса из дочери персидского царя, который возвращает этот рукотворный образ в Эдессу вместе с дарами. Как ясно из текста Повести (47), икона, связываемая с этим преданием, существовала в Эдессе еще в 943 г. Вероятно, чудотворная икона-список Нерукотворного Образа с древних времен почиталась в Эдессе наряду с Мандилионом и Керамионом.

Другой рассказ о создании копии Мандилиона в конце VII в. выглядит более реалистично. Он восходит к несохранившейся “Истории” яковитского патриарха Дионисия Тельмахреского (ум. 845)²⁴. Некий монофизит Афанасий, живший в Эдессе, чрезвычайно разбогател в правление халифа Абд аль-Малика (685–705). Однажды он одолжил городу 5000 динариев для выплаты дани арабам и взял в залог Нерукотворный образ Христа. Не желая отдавать святыню по возвращении ему долга, Афанасий заказал точную копию Мандилиона, которую и отдал вместо оригинала православной общине Эдессы, владевшей до того реликвией: *“Тогда он призвал весьма искусного живописца и попросил его написать копию. Когда работа была завершена, появился портрет, настолько похожий на свой образец, насколько вообще это было возможно. Ибо живописец затемнил краски таким образом, что они выглядели как древние. Эдессцы некоторое время спустя вернули золото и просили вернуть портрет. Он отдал им недавно сделанный и оставил древний образ в своем доме. Позднее он открыл тайну верным [монофизитам] и построил прекрасное святилище баптистерия. Он закончил его, потратив много больше денег, чем*

*рассчитывал: потратил в честь образа, потому что знал, что подлинный портрет, посланный с Иоанном tabellara, остался в его доме. Спустя годы он принес образ и поместил его в баптистерий*²⁵.

Интересно, что в этом сирийском тексте Нерукотворный Образ описывается как древняя живописная икона, хотя и с неяркими, “затемненными красками”. Другой любопытный сюжет — это борьба за владение истинным образом между различными конфессиями города. Как отмечает сирийский яковитский патриарх Дионисий, халкидониты (православные) владели Нерукотворным Образом со времен “греческих царей” (в данном контексте с 578 г. — начала правления императора Тиберия). И только сто лет спустя, благодаря хитрости Афанасия, реликвия перешла к монофизитам.

О нескольких иконах Мандилиона, одновременно почитавшихся в разных христианских общинах Эдессы, сообщают и другие источники. Насколько серьезной была задача определения истинной реликвии, свидетельствует Повесть императора Константина. Посланный в 944 г. забрать реликвию в Константинополь, Авраамий, епископ Самосаты, боясь как бы его не обманули, потребовал предоставить на экспертизу все списки Нерукотворного Образа, в том числе и из несторианской церкви Эдессы: “А посланный, размышляя и заботясь, как бы его не обманули с выдачей и не отдали вместо неписанного и истинного образа написанный в свое время из-за персидского насилия, разыскал их оба, а вместе с ними и другой, почитавшийся в несторианской церкви, тоже, как оказалось, снятый с первообраза. Взяв их для удостоверения, те он тотчас отдал, а забрал лишь истинный образ Господень” (Повесть, 47). Этот конкретный рассказ, скорее всего сообщенный автору Повести самим Авраамием Самосатским, ясно показывает, что в Эдессе IX в. существовало несколько икон-списков, почитаемых в качестве Нерукотворного Образа. Установление подлинной святыни требовало серьезной экспертизы, для проведения которой, видимо, не случайно был послан не константинопольский чиновник, но епископ из соседней Самосаты.

Чудотворения Мандилиона в Эдессе

Чудеса, творимые Мандилионом в Эдессе в византийской традиции воспринимались как архетипические по отношению к последующим сказаниям о чудотворных образах. Наиболее известными чудесами являлись исцеление Авгаря и помощь при персидской осаде. Они определили восприятие Мандилиона, с одной стороны, как дарующей исцеление реликвии, с другой — как апотропея — небесного защитника.

Возможно, самое яркое предание о чуде восходит к сирийским источникам VII–VIII вв.²⁶ Оно рассказывает, что некий человек с Востока украл Нерукотворный Образ, который хранился в церкви Эдессы. Когда вор остановился на ночлег в монастыре Св. Козьмы и Дамиана за пределами города, Мандилион вдруг наполнился огнем и стал жечь похитившего его. Вор бросил реликвию в глубокий монастырский колодец, и немедленно огненный столп спустился с небес на колодец. Мандилион был найден, и с того времени каждый, кто омылся водой из колодца, получал исцеления, особенно те, которые, подобно царю Авгарю, были больны подагрой.

Армянский апокриф содержит предание о происхождении этого колодца, созданного самим Авгарем, который, получив Мандилион, *“выкопал колодец, омыл свое тело, затем облобызал образ Спасителя и исцелился и многие другие с ним... После того он построил церковь и с великой честью поместил божественный образ в ней на святую трапезу”* (прим. 27). Вода колодца, согласно более поздним свидетельствам, исцеляла и христиан, и иноверцев. Она особенно помогала от проказы, “слоновой болезни” и подагры (“болезни Авгаря”). Вскоре после разгрома Эдессы в 1144 г. колодец в разрушенном монастыре посетил новый правитель края Занги, который, исцелившись от болезни ног, повелел основать при колодце лечебницу (прим. 28):

Примечательно, что в разновременных преданиях о Мандилионе, распространившихся по всему Христианскому Востоку, появляется сюжет об испытании реликвии огнем и водой. Так, в эфиопском апокрифе о переписке Христа с Авгарем, рассказывается, что правитель Эдессы, по совету самого Господа, проверил чудотворную силу Нерукотворного Образа, опустив плат в огонь и в воду (прим. 29). При этом “красный лик” остался нетронутым. Испытания водой и огнем трактуются как первые чудеса в Эдессе, которые подтвердили божественный статус реликвии и предшествовали многочисленным исцелениям. Характерно, что в том же апокрифе Мандилион представлен как некое живое существо, разговаривающее с Христом.

В этих сказаниях особенно интересны сюжетные мотивы огня и воды. Горящий, но несгорающий Мандилион появляется уже в Повести императора Константина в связи с чудом возникновения Керамиона под стенами Иераполиса (Повесть, 14). Он вызывал в памяти библейский образ Неопалимой купины (Исх. 3:2) и особого огня, обозначающего присутствие Божие. Образ огненного столпа, сходящего с небес и указующего на святое место, также имеет библейские истоки (Исх. 13:21–22; Чис. 14:14; Неем. 9:19; Откр. 10:1). В древнейших сказаниях об обращении в христианство (Грузии — св. Нино или Армении — св. Григорием Просветителем) огненный столп обозначает место основания первой церкви. Тема освященной воды в связи с Мандилионом возникает уже в “Церковной истории” Евагрия Схоластика, где рассказывается, что именно освященной иконой водой были подожжены дрова во время персидской осады. Тему мистической связи Нерукотворного Образа с источником мы находим в более раннем сказании о Камулианском платце, плававшем в воде, но при этом оставшемся сухим. Расположение или явление рядом с чудотворной иконой целебного источника — устойчивый топос византийской культуры, одним из самых ранних примеров которого является эдесское предание о колодце, начавшем чудотворить после соприкосновения с Мандилионом.

Богослужбное почитание Нерукотворного Образа

Особый предмет исторической реконструкции составляет богослужбное почитание Нерукотворного Образа в Эдессе. Среди самых ранних свидетельств — Первое послание папы Григория II, приведенное в Деяниях Седьмого Вселенского собора 787 г. Там говорится, что для поклонения Нерукотворному Образу в Эдессу *“стекаются во множестве народы Востока и приносят молитвы”* (прим. 30). О массовом поклонении реликвии в Эдессе

Met opmerkingen [A1]:

свидетельствует и Житие св. Евфимия Сардского, написанное в 831 г. Св. Евфимий участвовал в конце VIII в. в императорском посольстве в Арабский Халифат и, по его собственным словам, приведенным в тексте Жития, *“видев на деле ту, что в Эдессе, мудрейшем и почтеннейшем из городов, самопреданную и нерукописную икону нас ради воплотившегося Сына Божия, я поклонился ей вместе с множеством народа”*(прим. 31). О том, что Нерукотворному Образу, некогда посланному Христом Авгарю, *“до сих пор поклоняется вся Эдесса”*, в начале IX в. сообщает “Хроника Георгия Амартола”³².

Интересно, что в Повести императора Константина ничего не говорится о богослужениях, связанных с почитанием Святого Мандилиона. Возможно, это определено тем, что одновременно с Повестью около 944 г. было написано особое “Слово о святой и нерукотворной иконе Иисуса Христа Бога нашего, как чтилась в городе Эдессе жителями его”³³ (далее “Слово”). В византийских рукописях оно часто следует сразу после Повести и, по всей видимости, также было создано по заказу Константина Багрянородного в связи с необходимостью создания новых богослужебных празднований Мандилиону в Константинополе. Слово содержит уникальные подробности богослужения Нерукотворного Образа, которые происходили в “церкви Эдессы” (главном храме?) как в обычные дни, так и в праздник Торжества православия (победы иконопочитания в 843 г.).

Согласно этому тексту, большую часть года Мандилион хранился в скевофилакионе (сосудохранильнице, сокровищнице храма). Он был помещен в особый киот с закрывающимися на тонкие железные замочки дверками. Дважды в неделю, по средам и пятницам, верующим дозволялось созерцать и возносить моления перед закрытым киотом, однако никто не мог *“ни приблизиться, ни коснуться устами или взором священного образа”*. Только раз в году, в среду на “средней седмице” Великого поста, единственно архиерею, подобно ветхозаветному первосвященнику, дозволялось войти в алтарь и открыть киот. *“Неприкосновенной губкой, смоченной в воде,”* он омывал Мандилион, а выжатую из губки освященную воду раздавал верующим, которые протирали ей глаза и получали очищение.

В первое воскресенье Великого поста (праздник Торжества православия) происходила особая лития — крестный ход с иконой. В скевофилакионе Мандилион полагался на особый трон и покрывался *“со всех сторон”* белой тканью. Четверо епископов или священников, подняв трон с иконой, шествовали за архиереем, несшим в руках крест. По сторонам от архиерея несли золотые скипетры, а за ними рядами располагались 12 рипид и столько же кадильниц и лампад. Во время шествия архиерей останавливался и осенял крестом народ, который восклицал: *“Господи, помилуй!”*. При входе процессии в церковь архиерей еще раз осенял крестом народ *“на восток, направо и налево”*. Затем икона на своем троне устанавливалась в алтаре храма к востоку от главного престола *“на другой трапезе, меньшей, но укрепленной выше”*. Только архиерей имел право приблизиться и поцеловать икону, после чего он менял белый плат иконы *“на другой, окрашенный в порфир”*. В конце богослужения *“божественный трон”* в сопровождении такой же процессии возвращался в скевофилакион.

"Слово" дает не только уникально подробное описание литургической процессии с чудотворной иконой, не имеющее аналогов в византийских источниках, но и является особым литургическим комментарием. Высокоученый автор предлагает символическое истолкование практически всем основным элементам обряда. Он использует более ранние литургические комментарии Софрония Иерусалимского, Максима Исповедника и Германа Константинопольского. Однако толкования наиболее оригинальных особенностей ритуала вполне самостоятельны. Так, он объясняет использование разноцветных покровов: белый цвет символизирует вечность Бога и божественный свет, тогда как порфиновый этот неизвестный византийский литургист понимает как воплощение незримой и неизреченной сущности Бога, в духе апофатического богословия Дионисия Ареопагита. Трудно сказать, насколько описанный эдесский обряд соответствовал практике византийского богослужения, сложившейся к середине X в. Однако кажется вероятным, что он мог оказать заметное влияние на развитие литургических процессий с иконами. Хочется обратить внимание и на практику закрытия священного образа, которую унаследует и константинопольский культ Мандилиона, и вся последующая традиция почитания чудотворных икон.

Мандилион и защита иконопочитания

Известность Мандилиона росла постепенно в течение VII в., распространяясь с Востока на Запад. В Византии слава Мандилиона связана с периодом иконоборчества (730–843), когда Эдесский образ — *"богозданная икона"*, мистически явившаяся по воле самого Христа, — стал одним из аргументов иконопочитателей в их спорах с противниками священных изображений³⁴.

Мы встречаем ссылки на Мандилион дважды в сочинениях Иоанна Дамаскина (ум. 749). В *"Точном изложении православной веры"* он кратко повторяет рассказ, известный нам по первому преданию Повести: *"Рассказывается же и некая история, что когда царствовавший в граде едессян Авгарь послал живописца, чтобы тот сделал похожее изображение Господа живописец не сумел этого сделать из-за сияющего блеска Его Лица, то Господь Сам, приложив иматий к Своему божественному и животворящему Лицу, запечатлел на иматии Свой образ и в таком виде послал его сильно желавшему того Авгарю"*³⁵. Автор делает важное добавление о том, что художник не мог изобразить Христа *"по причине сиявшего блеска Его Лица"*. Этот образ сияющего лика впоследствии оказал заметное влияние на богослужебные тексты, связанные с Мандилионом. Примечателен и контекст, в котором Иоанн Дамаскин приводит предание об Эдесском образе. Оно выступает как некое важное и во многом уникальное свидетельство древней, *"новозаветной"*, практики создания икон, о которой ничего не сказано в Священном Писании. В главе *"Об иконах"* этого важнейшего богословского трактата Эдесский Мандилион — единственный и важнейший пример конкретного иконного образа.

В *"защитительных словах"* о святых иконах Иоанн Дамаскин приводит рассказ о Нерукотворном Образе как комментарий к рассуждению Дионисия

Ареопагита о возведении умов от чувственных изображений к божественным созерцаниям³⁶. Здесь звучит еще одна тема, которая получит развитие в последующих литургических текстах. Мандилион, созданный “человеколюбивым” божественным промыслом, позволяет чувственно созерцать невидимого Господа.

В “Деяниях Седьмого Вселенского собора” (787), восстановившего иконопочитание, Нерукотворный Образ упоминается несколько раз, в том числе в уже приведенном ранее письме папы Григория II, сообщающем о широком почитании иконы в Эдессе³⁷. Появление предания о Мандилионе именно в этом документе не кажется случайным. Римские папы были хорошо информированы об эдесской святыне. По свидетельству папы Адриана на соборе 769 г. в Риме, папа Стефан (752–757) слышал историю о Нерукотворном Образе от путешественников, прибывающих с Востока³⁸. По всей видимости, уже в VIII в. авторитет реликвии был очень высок. Подтверждением этому служит недавно опубликованный греческий список девяти главных нерукотворных образов Востока и Запада, дошедшей до нас в рукописи X в. из венецианской Марчианы (Marc. Gr. 573)³⁹. Список входил в так называемый *Florilegium*, сборник свидетельств о почитании святых образов, составленный, вероятно, для одного из римских пап VIII в. Образ-реликвия, почитаемая в городе Эдессе, открывает ряд важнейших святынь христианства: “*В Эдессе мы имеем [образ], данный самим Христом художнику Авгаря, пытавшемуся с верой, согласно письменным свидетельствам, нарисовать Его*”⁴⁰. Обращает на себя внимание высокий статус предания, о котором существуют хорошо известные письменные свидетельства.

О Мандилионе рассказывается и в менее известных сочинениях VIII в., имевших хождение в монашеской среде, особо приверженной иконопочитанию. Автор “Наставления старца о святых иконах” довольно подробно излагает предание о Нерукотворном Образе в Эдессе, ссылаясь на некий рассказ св. Ефрема (Сирина?): “*Старец сказал: явил себя Господь и Бог наш, и благодаря множеству совершенных Им чудотворений, прошла молва о Нем по всей земле, и удивились все народы. А один царь, по имени Авгарь, движимый божественным рвением увидеть Его, не смог этого сделать из-за того, что сам был сирийцем. И послал к Нему своих послов с такой просьбой: “Приди к нам, ведь мы слышали о Твоих великих чудесах, которые Ты творишь у иудеев. Приди же и к нам, дабы мы уверовали, что Ты свет и слава народов”. Говорит им Господь: “Не послан Я ни к кому другому, кроме как к дому Израиля”. А царь сказал им: “Если придет Он, очень хорошо, если же нет, привезите мне точное изображение Его облика, чтобы на него направил я свою любовь”. И много потрудившись, не смогли они изобразить Его святой облик. Увидев же их веру, Христос, Господь и Спаситель наш, взял синдон и собственными руками приложил его к Своему непорочному лицу, так что без дерева и красок появился Его непорочный образ. И дал Он его посланникам царя Авгаря и благословил как их, так и царя и город, заложив ее основания, как повествует и отец наш Ефрем в своем завещании, и неложен этот рассказ*”⁴¹.

В современной науке свидетельства о Мандилионе, относящиеся к эпохе раннего иконоборчества, иногда рассматриваются как более поздние

интерполяции, введенные в наиболее авторитетные тексты и до, и после победы иконопочитания в 843 г.⁴² Среди исследователей нет согласия в этом вопросе, подтвердить или опровергнуть критические суждения бывает довольно сложно в силу отсутствия точно датированных текстов. Однако практически нет сомнений в том, что к началу IX в. Эдесский Мандилион и его история пользовались широкой известностью в Византии⁴¹. В эту эпоху в своих богословских трактатах против иконоборцев об Эдесском образе несколько раз говорит патриарх Никифор (806–815)⁴⁴. О нем рассказывает “Житие св. Евфимия” и сообщается в переписке Феодора Студита (письмо 409, 818–819 гг.).

Первостепенное значение имеет “Послание трех восточных патриархов императору Феофилу”, в котором Эдесский образ введен в контекст важнейших аргументов иконопочитателей и возглавляет перечень из 12 важнейших чудотворных икон⁴⁵. Достаточно подробное предание, освященное как формой соборного постановления, так и авторитетом авторов — патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима, стало одним из важнейших источников сведений о Мандилионе в Византии IX в., которым как историческим документом пользовался и автор Повести императора Константина примерно сто лет спустя.

Интересно, что древнейший вариант этого текста — так называемое “Послание Феофилу” Псевдо-Дамаскина, по-видимому восходящее к первоначальному посланию 836 г., упоминает только пять чудотворных икон, а рассказ об Эдесском образе приводится третьим после известия об иконе Богородицы евангелиста Луки и сказания о Богородице Лиддской⁴⁶. На наш взгляд, данное различие в иерархии сюжетов не случайно. За несколько десятилетий IX в. ко времени составления окончательной редакции Послания предание о Нерукотворном Образе становится абсолютно признанным, а его статус первоиконы незыблемым.

Сравнивая варианты преданий, мы можем заметить, что содержание в двух версиях практически не меняется. Оно восходит к так называемой второй истории о возникновении Св. Лица, в которой не упоминается художник, посланный Авгарем, а образ на плате возникает во время молитвы в Гефсиманском саду (Повесть, 16–22). Изображение на полотне (soudarion) явилось как отпечаток лица от пота: *“Когда он своими святыми руками отер пот с чистого своего лица, тотчас же на этом полотне запечатлелся вид святого его облика. И совершенно точные его черты, как бы в красках, изобразились его божественным действием. И следует сказать, что божественное его изображение неизменным сохранялось на чудотворном полотне”*⁴⁷. Апостол Фаддей передал Нерукотворный Образ царю Авгарю, который увидел в нем Христа, *“отразившегося, как в зеркале”*. Важны в предании и некоторые характерные детали. Так, например, говорится, что *“именно этим святым отпечатком и донныне обладает, как царским скипетром, знаменитая и славная Эдесса. Им она похваляется и гордится, ибо Христос, истинный Бог наш, показывает народу знамения и чудеса, явив здесь столь великую благодать”*⁴⁸. В “Послании восточных патриархов” подчеркнута связь Мандилиона как отпечатка от пота со Страстями Господними, и

акцентировано внимание на многочисленных чудотворениях. Большую роль играет и тема власти. Обладание величайшей реликвией Христа, сравнимой с “царским скипетром”, является знаком высшего могущества.

Последняя идея была особенно привлекательна для византийских императоров, провозглашавших себя наместниками Бога на Земле. Обладание первоиконой и первореликвией Христа могло стать зримым подтверждением их исключительных прав. В этой связи существенно, что утверждение иконопочитания и прославление святых образов после 843 г. легли в основу идеологии императоров Македонской династии, которые собирали в Константинополе реликвии и чудотворные образы со всего христианского мира⁴⁹.

Перенесение Мандилиона из Эдессы в Константинополь

В данном историческом контексте возвращение прославленного Мандилиона — важнейшей реликвии Христа, оказавшейся на территории Арабского халифата и тем самым как бы плененной, — представлялось задачей государственно-политического значения. Повесть 944 г. рассказывает о многократных усилиях императора Романа Лакапина (920–944) по вызволению Нерукотворного Образа и Письма Христа к Авгарю. Наконец, эдесский эмир согласился отдать святыни на следующих условиях: император гарантировал безопасность городов Эдессы, Харана, Сароци и Самосаты, освобождал 200 пленников, и выплачивал выкуп в 12000 серебряных монет (Повесть, 44–46)⁵⁰. Византийские историки подтверждают данные Повести и выделяют как главное условие получения реликвии — предоставленные императором гарантии безопасности. В “Жизнеописании Романа I” Продолжатель Феофана свидетельствует: *“Жители Эдессы, в которой хранится драгоценный образ Христа, доведенные до отчаяния осадившим город ромейским войском, отправили к царю Роману послов и попросили снять осаду, обещая отдать драгоценный образ Христа. В обмен на этот дар они просили вернуть им их узников из числа знатных, а также даровать хрисовул с обещанием, что ромейское войско прекратит опустошать их землю”*⁵¹.

За Нерукотворным Образом был послан Авраамий, епископ Самосаты. Преодолев сопротивление эдессцев, не желавших расставаться со своими “оберегами”, и установив подлинный “Нерукотворный Образ”, он вывез реликвию из города. Согласно написанной современником Повести, долгий и торжественный путь в византийскую столицу сопровождался многочисленными знамениями, чудесами и предсказаниями. Первое чудо состояло в том, что корабль с реликвиями, без помощи гребцов, *“управляемый одной божественной волей”*, пересек Евфрат (ил. 12). Прикасаясь к ларцу с реликвией даже при одном виде его, слепые прозревали, хромые и сухорукие выздоравливали, парализованные начинали ходить (Повесть, 48–52).

Автор Повести, близкий императору Константину, рассказывает о чудесном пророчестве произошедшем в Евсевиевом монастыре Богоматери (Theotokos tou Eusebiou), где на пути остановилось посольство. Некий одержимый бесом подошел к выставленному в монастырском храме ларцу с Нерукотворным Образом и предсказал начало единоличного правления императора Константина, которое он связал с прибытием эдесской святыни в

столицу: *“Прийми, Константинополь, славу и радость, и ты, Константин Багрянородный, свое царство”* (Повесть, 53). Сказав эти слова, бесноватый исцелился. Понимая судьбоносный характер этого эпизода автор Повести, написанной уже в единоличное правление Константина Багрянородного, указывает на множество свидетелей. Действительно, помимо большой группы местных иерархов, сопровождавших ларец с реликвиями, в Евсевиевом монастыре присутствовали высшие чины, прибывшие из Константинополя в сопровождении военных отрядов. Нерукотворный Образ встречают как императора, возвращающегося из дальнего победоносного похода. Данный момент подчеркивается и у византийских историков: *“Когда святой образ или лик Христовый подвозили к Константинополю, патрикий и паракимомен Феофан отправился к реке Сангар, где встретил его со сверкающими светильниками подобающей честью и песнопениями”*⁵².

Огромное историческое значение имеет описание триумфального принесения Мандилиона в Константинополь, сведения о котором дошли до нас как в *“Повести императора Константина”* (56–65), так и в некоторых других источниках⁵³. Мандилион достиг столицы 15 августа 944 г. Поскольку на этот день приходился праздник Успения Богоматери, ларец с реликвиями был принесен в главный константинопольский храм Богоматери во Влахернах (в отдаленном северо-западном углу города, около стены), где он был помещен в *“верхней церкви”* (*“священной омывальне”*)⁵⁴. Находившиеся во Влахернах, по случаю праздника, императоры совершили поклонение и целование ларца⁵⁵ (ил. 13). Затем в сопровождении воинов, окруженный множеством светильников ларец был перенесен на императорскую триеру, которая по водам залива Золотой Рог доплыла до Большого императорского дворца, а реликвии были перенесены в дворцовую церковь Богоматери Фаросской.

Основные торжества пришлось на следующий день 16 августа. Молодые императоры (Константин Багрянородный и два сына Романа Лакапина) *“с псалмами, пением и обильным освещением”* снова погрузили реликвии на императорскую триеру и проплыли с ними вдоль стен Константинополя⁵⁶. Автор Повести специально поясняет смысл действия: это защищающее мистическое *“опоясывание града”* силой священных реликвий (Повесть, 57), подобное хождению Евлалия с обретенным Мандилионом по стенам Эдессы.

Действо было укоренено и в собственно константинопольской традиции VI–IX вв., когда патриархи во время осад города обходили стены с важнейшими святынями столицы — Честным Крестом, Ризой Богоматери, Ее иконой и неким Нерукотворным образом Христа⁵⁷. Во время самой знаменитой осады византийской столицы аvaraми в 626 г. патриарх Сергий носил по стенам Константинополя нерукотворную икону Христа — событие, осмысленное в Византии как важнейший символический обряд, несомненно хорошо известный автору Повести. Согласно проповеди Феодора Синкелла, произнесенной всего через год после чудесного спасения, патриарх сопоставлялся с Моисеем: *“Помните, что Моисей, поведши Израиль войной против Амаликитян, простер, - изображая собою крест, - руки небу, Аарон же и Ор руки законодателя поддерживали (Исх. 17,8-12): ведь они были полны тяжестью, в чем таился намек на утрату законом своей силы, потерянной чрез*

помыслы о плотском. Потому Господь и послал в мир своего едиnorodного Сына, чей образ (ведомо, что был он нерукотворен, и трепетали его бесы) Моисей, пребывающий среди нас, вознес над собой беспорочными дланями. И нашего патриарха никому не было нужды подпирать, но, распиная себя ради всего града по примеру евангельского Христа, он в слезах прошел по всей городской стене и, словно непобедимое оружие, показывал образ Божий - и силам тьмы, смутно видневшимся на Востоке, и вражеским фалангам на Западе"⁵⁸. Можно догадываться, что в сознании византийцев опоясывающий град Мандилион как бы замещал древнюю прославленную святыню Нерукотворного образа Христа начала VII в., которая в 944 г. уже не существовала в Константинополе.

Следующим актом священного ритуала был вход в город через Золотые ворота. Достигнув западного края города морем, процессия с эдесской реликвией прошла вдоль стены к главным воротам, которые, как и древние врата Иерусалима, назывались "*Золотыми*"⁵⁹. При этом Повесть уподобляет ларец со святынями "*новому ковчегу*", что позволяет понять символический замысел всей процессии⁶⁰. В памяти должен был возникнуть образ истинного царя Давида, "*с восклицаниями и трубными звуками*" переносящего ковчег в Иерусалим — град Давида (2 Цар. 6:2–18). Примечательно, что образ царя Давида, несущего ковчег, в качестве одного из важнейших топосов войдет в православное богослужение праздника 16 августа⁶¹.

В данном контексте приобретала особую актуальность иерусалимская тема Золотых ворот, через которые, по преданию, должен будет войти Мессия, явившийся для спасения мира. Вход Нерукотворного Образа, отождествляемого с самим Христом-Мессией, был призван утвердить мысль о Константинополе как Новом Иерусалиме и избранном граде спасения. При входе через Золотые ворота возникал и несколько иной круг ассоциаций, связанных с темой императорских триумфов, проходивших именно здесь⁶². Христос в Нерукотворном Образе возвращается в свой град, подобно высшему императору и вечному победителю. Интересно, что традиция триумфального возвращения реликвии имела свою предысторию: таким образом император Ираклий вернул в Иерусалим прославленную реликвию Креста Господня, отвоеванную у персов в 630 г.⁶³ — событие, ежегодно вспоминаемое православной церковью в праздник Воздвижения креста⁶⁴. Византийцам были известны и триумфальные шествия с нерукотворными образами Христа. В правление Юстиниана, между 554 и 560 гг., по городам империи носился Камулианский Образ. Сообщающий об этом автор сирийской хроники 569 г. описывает процессию как императорский триумф (*adventus*), который он, в свою очередь, интерпретирует как символический прообраз Второго пришествия⁶⁵.

От Золотых ворот всенародное шествие с пением псалмов и гимнов направилось к главному храму Святой Софии. Колоссальная процессия двигалась по центральной улице Меса через весь город. Как отмечает очевидец — автор Повести — собравшиеся толпы народа веровали, "*что через это город сподобится освящения и большей силы и сохранится вовеки невредимым и неприступным*" (Повесть, 59). Тема неприступности была прямо связана со сказанием о чудотворениях Мандилиона у стен Эдессы и

повсеместно известным обещанием невредимости города в заключительных строках письма Христа к Авгарю. Подтверждением божественной природы происходящего явилось чудо исцеления парализованного, который выздоровел от одного взгляда на ларец со святынями. Примечательно, что рассказ о чудотворном исцелении приводится как некая гарантия будущего спасения.

По входе в храм Святой Софии Нерукотворный Образ был положен в алтаре и в его честь совершено особое богослужение. Из Великой церкви процессия со святынями направилась в расположенный неподалеку Большой императорский дворец, где в главном зале приемов (Хрисотриклинии) реликвию вновь встречал “старший император” Роман Лакапин, который по болезни не мог участвовать в городских торжествах. В Хрисотриклинии совершается один из важнейших обрядов всего празднования перенесения — Нерукотворный образ Христа помещают на императорский трон, *“не безрассудно полагая, что он, поистине, как освятит царское седалище, так и приобщит к праведности и кроткой благодати сидящих на нем”* (Повесть, 63).

Процитированный комментарий автора Повести можно существенно дополнить, исходя из знания византийских реалий. Мандилион на главном императорском троне воплощал ключевую идеологему Византии — Христос есть истинный правитель империи, лишь наместником которого на Земле является действующий император. В обряде перенесения Мандилиона эта основополагающая мысль обретала мистическую реальность. Известно, что над тронном Хрисотриклинии размещался мозаичный образ Христа на троне, восстановленный после победы иконопочитателей в 856–866 гг.⁶⁶ В своей книге “О церемониях” Константин Багрянородный отмечает, что перед этой иконой императоры всегда молились при торжественных выходах в Св. Софию и по возвращении во дворец, выражая *“рабскую покорность и благоговение перед Царем царей”*⁶⁷. Это была главная икона империи, в IX–X вв. изображаемая на золотых монетах в качестве государственного символа. Мандилион, положенный на реальный трон 16 августа 944 г., составил с этой мозаичной иконой “Христа на троне” единую композицию. Нерукотворный и рукотворный образы Христа соединились в одно целое, обогащая друг друга дополнительными смыслами. Триумфальная тема тронного Христа естественно переходила в напоминание об Искупительной жертве, воплощенное в Мандилионе как отпечатке кровавого пота. Можно вспомнить, что до появления в Хрисотриклинии последним местопребыванием Нерукотворного Образа был алтарь, по всей видимости, главный престол Софии Константинопольской. Перенесение Мандилиона со святой трапезы на святой трон символически соединяло два важнейших престола, знаменуя двуединство священства и царства, зримо явленного через Нерукотворный образ Христа.

В Хрисотриклинии перед Мандилионом на троне было совершено *“просительное моление”*, после чего он был окончательно перенесен во дворцовый храм Богоматери Фаросской, где и обрел свое постоянное место.

Сложное и на первый взгляд даже запутанное движение Мандилиона по городу должно было мистически связать все наиболее важные сакральные центры византийской столицы, создать образ града, состоящего из храмов и неотделимых от них священных дворцов, и в конечном итоге представить

пространственную икону Небесного Иерусалима. В этой связи знаменательно обращенное к Мандилиону заключительное прошение “Повести императора Константина”: *“Сию царицу городов сохрани неосажденной и даруй нам, благоугодившим Пробразу твоему, Христу Богу нашему, быть принятыми в Небесное Царство”* (Повесть, 65).

Мандилион в Константинополе. 944–1204 гг.

Помещение Мандилиона именно в церкви Богоматери Фаросской было далеко не случайным. Этот небольшой храм, располагавшийся в глубине Большого дворца, за Хрисотриклинием, являлся специальной церковью-реликварием, где византийские императоры хранили свои главные святыни⁶⁸. В 944 г. в церкви находились важнейшие реликвии страстей (в том числе Крестное Древо, Терновый Венец, Гвозди от креста Распятия, Багряница Христа), которые, по рассказу Начальной летописи, еще в 912 г. император Лев Мудрый показывал русским послам как воплощение *“истинной веры”*⁶⁹.

Мандилион дополнил ряд страстных реликвий⁷⁰. Известно, что вместе с избранными реликвиями Страстей Мандилион несколько раз покидал пределы Фаросской церкви. Как говорится в “Истории” Георгия Кедрина, во время свадьбы с Михаилом IV в 1036 г. императрица Зоя послала реликвии Фаросской церкви, а именно Древо Св. Креста, Мандилион, Письмо Христа к Авгарю и икону Богоматери, мятежному патрикию Константину Даласину как гарантию его безопасного возвращения в Константинополь. Мы встречаемся здесь с особой византийской практикой, когда главные реликвии империи в острой политической ситуации используются как залог. Святыни служили своеобразными гарантами клятвы, их огромная материальная стоимость и бесценная духовная значимость были призваны подтвердить императорское обещание, которое, однако, в данном конкретном случае не было выполнено⁷¹.

Ковчег с Мандилионом вместе с другими реликвиями Фаросской церкви мог выноситься для участия в специальных богослужебных процессиях. В правление того же Михаила IV в 1037 г. случилась страшная шестимесячная засуха. Стремясь предотвратить катастрофу, император организовал литию-шествие с молением о дожде из Большого дворца во Влахерны. При этом Мандилион был торжественно пронесен через весь город из храма-реликвария Богоматери Фаросской в другой главный храм-реликварий во Влахернах, также посвященный Богоматери — бессменной защитнице и покровительнице Константинополя⁷². Реликвии находились в драгоценных ковчегах, которые братья императора несли на своих руках.

Миниатюра XII в. из Мадридской рукописи Хроники Иоанна Скилицы (Национальная библиотека, Мадрид, гр. 2, fol. 210 v) запечатлела это важное историческое событие⁷³ (ил. 14). Текст рукописи сверху и внизу миниатюры извещает: *“Братья василевса устроили литанию. Иоанн нес Святой Мандилион (agion mandylion), великий domestik — Послание Христа Авгарю, протовестиарий Георгий нес святыне пелены (agia spragana). Они шли пешими от Великого дворца до храма Пресвятой Богородицы во Влахернах. И здесь патриарх служил вторую службу. Однако дождь не начался”*. На миниатюре мадридской рукописи во главе процессии в направлении к Влахернскому храму

идут двое в длинных, напоминающих стихари, рубашках. Они несут на длинных шестах процессионные кресты, видимо включавшие в себя реликвии Св. Древа. За ними три фигуры (упомянутые в тексте братья императора) с ларцами-реликвариями на покровенных руках. За членами императорской семьи изображены архиереи, указывающие на богослужебный характер церемонии, и далее молящийся народ. Как позволяют догадаться миниатюрист, следующий тексту рукописи, в первом из ковчегов находится Мандилион. Нерукотворный Образ, как некогда в процессии перенесения 944 г., связывает важнейшие сакральные центры византийской столицы. Христос, пребывающий в чудотворном Мандилионе, торжественно и раболепно вносится в пространство града. Члены императорской семьи, несущие пешими Нерукотворный Образ, демонстрируют свою покорность истинному владыке и высшему защитнику.

Что мы знаем о почитании Мандилиона в Большом императорском дворце? Поначалу он был помещен в Фаросской церкви справа от алтаря (в южном приделе или апсиде?) и, вероятно, был доступен для созерцания и поклонения. Выразительный эпизод дошел до нас в Житие св. Павла Латрского, составленном вскоре после его смерти (955 г.).⁷⁴ Св. Павел попросил императора Константина Багрянородного приложить к Мандилиону кусок ткани и прислать ему. Тогда как все люди не видели ничего, кроме ткани, св. Павел различал на ней таинственно отобразившийся лик Спасителя. История интересна как пример создания вторичной реликвии через прикосновения к оригиналу — обряд, по всей видимости, отражающий сложившуюся константинопольскую практику. Эпизод примечателен не только указанием на возможность прикосновения к Мандилиону в храме-реликварии, но и стремлением в X в. напомнить о древней традиции чудотворного воспроизведения Нерукотворного Образа, сама способность к созерцанию которого уже ассоциируется со святостью.

Как выглядел Мандилион, принесенный из Эдессы? К сожалению, до нас не дошло ни одного ясного описания, однако и то, что известно, позволяет получить некоторое представление. В “Повести императора Константина”, составленной человеком, видевшим Мандилион, рассказывается, что Авгарь закрепил льняную ткань на доске, *“украшив и поныне видимым золотом”* (золотым окладом?), и написал слова: *“Христе Боже, надеющийся на Тебя не погибнет”* (Повесть, 25), помещенные, вероятнее всего, на окладе. Очень важно свидетельство Повести о размышлении Авгаря, сделан ли Нерукотворный Образ *“вещественными красками”*, и рассказ апостола Фаддея об *“изображении без красок от пота”* (Повесть, 21). По всей видимости, они имели прямое отношение к впечатлению от лика Христа на Мандилионе в середине X в., что подтверждается и другими источниками.

Особое значение имеет недавно опубликованная “Проповедь Григория Референдария на принесение Эдесского образа”, написанная, как указано в самом названии текста, после 944 г.⁷⁵ Автор, “архидиакон и референдарий Великой церкви Константинополя” (Св. Софии), был послан императором в Эдессу для изучения всех документов, относящихся к Нерукотворному Образу. В своем описании Мандилиона он утверждает, что образ *“был запечатлен каплями пота от агонизирующего лица Начальника жизни (Деян. 3:15), которые падали как капли крови (Лк. 22:44), и перстом Божьим (Исх. 8:15). То*

*были единственные украшения, расцветившие подлинный отпечаток Христа, украшенный каплями, струившимися из его собственного бока. И то, и другое преисполнено поучения: здесь кровь и вода, там — пот и облик. Что за сходство! Ибо сие произошло от Одного и Того же. Но и источник воды живой надлежит видеть в Его изображении, и он, научая, поит ликобразующей влагой пота, какую источает всякое тело, как родник, который бьет ключом как бы из сосудов, увлажняющих древо жизни*⁷⁶.

К сожалению, процитированный текст Григория Референдария, несомненно видевшего реликвию, не может быть рассмотрен как экспертное заключение. Это церковная проповедь, отягощенная сложной метафорикой, присущей византийским риторическим сочинениям. Свидетельство о связи Мандилиона с крестными страданиями не стоит понимать буквально. В большей степени это дань евхаристическому символизму Мандилиона и одному из древних преданий о создании Нерукотворного Образа на плате каплями пота, падавшими, подобно каплям крови, во время моления Христа в Гефсиманском саду (Повесть, 17). Однако свидетельство Григория Референдария о необычном изображении, сделанном не красками, но отпечатками пота, столь настойчиво и красноречиво, что мы вправе увидеть в нем отражение реальных особенностей Эдесского Образа⁷⁷.

Выразительная подробность сообщается в Хронике Псевдо-Симеона Магистра. После прибытия Мандилиона в Константинополь старый император Роман Лакапин, два его сына и Константин Багрянородный вместе созерцали Нерукотворный образ *“на святом полотенце Сына Божьего”*. Однако они не увидели никакого ясного изображения: *“Сыновья императора сказали, что они увидели только то, что это лицо. Но зять (императора) Константин сказал, что он видит глаза и уши”*⁷⁸. Приведенные данные дают все основания считать, что лик Христа на Мандилионе был очень плохо виден и по цвету почти монохромен.

Можно лишь предполагать, что у византийских художников существовало некое представление о реальном облике реликвии. При этом сам Эдесский образ был практически не доступен для обозрения в Константинополе. По всей видимости, образцами для многочисленных реплик служили как древние, сделанные еще в Эдессе, так и новые, написанные после 944 г., копии, которые сами воспринимались и почитались как священные реликвии, мистически связанные с нерукотворным прототипом.

Сам эдесский Мандилион, вскоре после появления в Константинополе, был навсегда помещен в закрытом золотом футляре (ларце, ковчеге), а попытка увидеть Нерукотворный Лик стала восприниматься как святотатство. В опубликованном несколько лет назад латинском паломническом описании святынь Константинополя XI в. (так называемый “Таррагонский Аноним”) до нас дошел рассказ об этой традиции: *“Этот драгоценнейший плат (linteum), отмеченный ликом и прикосновением Господа Иисуса, почитается больше, нежели остальные святыни дворца, сохраняется с большим тщанием, так что всегда заключен в золотой ковчег (aureo vase) и заперт надежнейшим образом. И тогда как все остальные святыни дворца в то или иное время бывают показываемы верующим, этот плат, хранящий изображение лика нашего*

Искупителя, никому не показывают и никому не открывают, даже самому императору Константинопольскому. Во время оно открыли тот ковчег, где была столь святая вещь, и поражен был город непрекращающимся землетрясением, грозящим всем неминуемой гибелью. Открыто было свыше через видения, что не отступит страшное зло от того града до тех пор, пока тот плат, хранящий образ лика Господа, не будет сокрыт в тайном месте и удален от людских взоров. Так и сделали. Заключили тот святой плат в золотой ковчег и тщательно закрыли, и прекратилось землетрясение, и успокоился гнев небес. С тех пор никто не слышал, чтобы открывали тот ковчег и взирали на то, что там находится, ибо все верят и боятся, что поражено будет все страшным, землетрясением, если попытаются открыть его”⁷⁹.

Приведенное свидетельство — самое подробное сообщение о Мандилионе в Константинополе после 944 г. Образованный латинский паломник, прошедший много времени в византийской столице, несомненно, пересказал греческое предание, не сохраненное другими источниками. Тема сокрытия святыни под страхом вселенской катастрофы имеет глубокие мифологические истоки. Древнегреческие палладиумы — деревянные статуи Афины Паллады и Артемиды Эфесской — были спрятаны от глаз верующих, и богини наказывали увидевших их. Архетипическим был образ Ковчега Завета, который только раз в году мог видеть первосвященник в Святой Святынь Иерусалимского храма (Евр. 9:7). Напомним, что еще в Эдессе, согласно “Слову о почитании Нерукотворного Образа” X в., Нерукотворный Лик мог видеть только архиерей один раз в году, верующие же поклонялись закрытому реликвию с Мандилионом внутри. Недоступность Св. Лица, усиливавшая мистическое чувство, выступала своеобразной гарантией высшей святости, в восприятии которой апофатическое и катафатическое представления о Боге, созерцаемом и одновременно абсолютно недоступном, соединялись в неразрывное целое.

Идея сокрытия святынь получила отражение в особых обрядах, связанных с почитанием Мандилиона и Керамиона. По свидетельству пизанца Льва Тускуса, латинского богослова и официального переводчика при дворе Мануила Комнина, во время Великого поста обе реликвии закрывались специальными покрывалами. В своем полемическом трактате “О ересь и злоупотреблениях греков” (ок. 1177) этот латинянин, хорошо информированный обо всех константинопольских обычаях, сообщает: “Во время Великого Поста Святой Мандилион (*sancti mantellis*) и Святой Керамион закрыты завесами до Святой Субботы”⁸⁰. Лев Тускус связывает данный обряд с другим великопостным ритуалом, также заканчивающимся в Великую Субботу. На это же время главная чудотворная икона Фаросской церкви — Богоматерь Икокира (*domina domus*), обычно стоявшая позади алтаря, — уносились и закрывались в особой комнате, двери которой занавешивались тканями⁸¹. Невозможность в период скорби и покаяния лицезреть лик Богоматери Икокиры, или Госпожи Дома (можно думать — покровительницы дворцовой церкви и императорского дома), а также демонстративное сокрытие драгоценных реликвий с Мандилионом и Керамионом должны были стать, по всей видимости, приготовлением к пасхальному торжеству — возвращению в

сакральное пространство Фаросского храма-реликвария важнейших чудотворных образов Христа и Богоматери, своеобразной праздничной теофанией.

В XI–XII вв. о Мандилионе в церкви Богоматери Фаросской Большого императорского дворца сообщают многие паломники⁸². Важное свидетельство 1200 г. оставил Николай Месарит, являвшийся хранителем реликвий в церкви Богоматери Фаросской⁸³. Однако мы не находим в этих сообщениях практически никаких новых сведений. Мы узнаем, что Мандилион почитался вместе с Керамионом, принесенным в дворцовую церковь в 968 г.⁸⁴ С 1032 по 1185 г. в дворцовой церкви хранилось Письмо Христа к Авгарю⁸⁵, так что был собран полный комплекс важнейших эдесских реликвий. Примечательно, что они размещались в ближайшем соседстве с главными реликвиями Страстей Господних, и подобный контекст, несомненно, оказывал влияние на восприятие эдесских святынь.

Драгоценное свидетельство о расположении реликвии в пространстве храма доносит до нас Робер де Клари, непосредственный участник захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Рассказывая о достопримечательностях “Святой церкви” дворца, он с топографической точностью и конкретностью военного человека сообщает об увиденном: *“Там были два богатых сосуда из золота (vaissiaus d'or), которые висели посреди церкви (sapele) на двух толстых серебряных цепях; в одном из этих сосудов была черепица (tuile), а в другом — кусок полотна (touaile)”*⁸⁶. Знание структуры византийского храма позволяет предполагать, что Мандилион и Керамион были подвешены под двумя подпружными арками, напротив друг друга. В столь необычном расположении реликвий нельзя не усмотреть особый замысел, нуждающийся в объяснении.

На наш взгляд, Мандилион и Керамион, показанные лицом друг к другу, видимо, должны были вызвать в памяти великое чудо, случившееся в нише над воротами Эдессы — воспроизведение Нерукотворного Лица на закрывшей эту нишу черепице⁸⁷. По “Повести императора Константина”, между образами от момента закрытия ниши до чудесного обретения реликвий горела неугасимая свеча как знак непрекращающегося богослужения (Повесть, 28). Представленные в центре храма как бы висящими в воздухе, две реликвии создавали мистическое пространство свершающегося чуда — воспроизведения Нерукотворного Образа, зримо явленного откровения и своего рода теофании. Сакральное пространство эдесской надвратной ниши, создаваемое двумя иконами, приобретало монументальное измерение в пространстве дворцового храма-реликвария. Немаловажным был и литургический контекст — чудо возникновения Нерукотворного Образа сопоставлялось с чудом преложения святых даров в Евхаристии. Византийский идеал постиконоборческого времени был реализован в этой программе с возможным совершенством: Икона и Евхаристия соединились в цельном пространственном образе. На наш взгляд, именно данный авторитетный и священный образец лежал в основе одной из центральных тем всей византийской храмовой декорации XI–XV вв., а именно размещение на восточной и западной подкупольных арках изображений Мандилиона и Керамиона.

Расположенные напротив друг друга образы Мандилиона и Керамиона, вызывавшие в памяти сакральные пространства Эдесской ниши и церкви Богоматери Фаросской, воспринимались византийцами как устойчивый топос. Его правильному пониманию, несомненно, способствовали проповеди, которые читались на празднования Нерукотворного Образа. Недавно был опубликован один из таких византийских текстов — так называемая “Дидакалия Константина Стилбеса о святынях Мандилиона и Керамиона”, вероятнее всего произнесенная на праздник 16 августа при патриархе Георгии Ксифилине между 1194 и 1197 гг.⁸⁸ В дидакалии два нерукотворных образа Христа представлены как одно целое — чудесное длящееся во времени богоявление. Сам текст строится как сложное и поэтическое переплетение исторических преданий о реликвиях, библейских образов и высокого богословия, раскрывающего символический смысл явленных икон. Подобные проповеди являлись неотъемлемой частью праздничных богослужений. Они наглядно показывают, насколько глубоким было богословское и литургическое осмысление Мандилиона в эпоху, предшествовавшую завоеванию Константинополя крестоносцами.

Обращаясь к византийской литургической традиции, мы можем отметить, что к XI в. складывается богослужение праздника 16 августа — Перенесения Нерукотворного Образа из Эдессы в Константинополь. Оно нашло отражение в типиконах и служебных минеях. Например, в константинопольском Евергетидском типиконе, имевшем самое широкое распространение в Византии XI–XII вв., указывается, что на утрене 16 августа читается “Слово Метафраста на Святой Мандилион” (сокращенная синаксарная версия “Повести императора Константина”). Среди чтений на литургии особо выделен текст из “Второго послания к коринфянам” (2 Кор. 3:4–11)⁸⁹. Делается также отсылка к евангельским текстам без указания конкретных глав. Они названы в другом влиятельном Студийско-Алексеевском уставе. Это чтения из Евангелия от Луки (Лк. 9:51–55; 10:22–24; 13:1), которые дополнены стихами другого апостольского послания (Колос. 1:12–18).

Интересна ранняя история канона Нерукотворному Образу, в который на рубеже XI–XII вв. были внесены существенные изменения. Вероятно, это произошло под влиянием богословского спора о природе святых образов, инициированного Львом Халкидонским⁹⁰. В конце XI в. этот византийский митрополит последовательно выступал против переплавки драгоценной богослужебной утвари с иконными образами, которая осуществлялась по приказу императора Алексея Комнина для пополнения государственной казны. Лев Халкидонский полагал, что святость образа (character) частично переходит на саму материю изображения, которая, соответственно, не подлежит уничтожению. Среди аргументов в поддержку своей правоты византийский богослов привел и один из тропарей современного ему канона Мандилиону⁹¹. Созванный императором церковный собор 1095 г. осудил митрополита Льва, отвергнув все его богословские аргументы⁹². Одним из практических последствий собора было исчезновение в рукописных минеях XII в. тропаря Святому Мандилиону, который процитировал в своем послании Лев Халкидонский. Приведенный эпизод богословско-литургической цензуры позволяет увидеть

еще одну грань интенсивной религиозной жизни, которая окружала реликвию Нерукотворного Образа в византийской столице до 1204 г.

Эта дата стала последней в судьбе реликвии, ясные сведения о которой более не появляются в исторических источниках. Нет сомнений, что Мандилион был захвачен крестоносцами. Однако, в отличие от многих других плененных святынь византийской столицы, он исчезает из поля зрения. Гибель величайшей святыни породила легенды. Согласно самой популярной из них, Мандилион вместе с другими награбленными сокровищами был отправлен дожем Энрико Дандоло в Венецию. Однако, по Божьему промыслу, корабль с Мандилионом утонул недалеко от берега в Мраморном море. В XIX в. константинопольские греки благоговейно указывали “точное” место гибели венецианского корабля и соответственно подводное местонахождение Нерукотворного Образа⁹³. Однако данный популярный рассказ следует признать скорее благочестивой фантазией, чем историческим сюжетом, поскольку он не находит подтверждений в древних источниках.

В последние годы широчайшее распространение получила версия, что реликвия Нерукотворного образа Христа сохранилась до наших дней и стала всемирно известна под именем Туринской Плащаницы. В трудах синдонологов (исследователей Плащаницы) отождествление двух реликвий стало почти общепризнанным, поскольку оно предоставило редкую возможность объяснить туманную историю Плащаницы до XIII в.⁹⁴ Согласно этой теории, Плащаница, сложенная таким образом, что был виден только лик Христа, была принесена в Эдессу и почиталась там как Нерукотворный Образ на плате. После 1204 г. реликвией мог владеть рыцарский орден тамплиеров, от которого Плащаница переходит к роду де Шарни во Франции, где она была впервые публично продемонстрирована в середине XIV в.

К сожалению, гипотеза о Мандилионе-Плащанице, несмотря на понятный энтузиазм многочисленных сторонников, плохо согласуется с существующими фактами⁹⁵. Она вступает в противоречие с известными описаниями Мандилиона, и в первую очередь с данными “Повести императора Константина”, автор которой, как ясно из текста, видел саму реликвию, принесенную из Эдессы. Нерукотворный Образ внимательно исследовался византийцами и в Эдессе, и по принесении в Константинополь в 944 г. Невозможно представить, что различие между четырехметровой плащаницей и платом, закрепленным на доске и украшенным золотым окладом, могло быть не замечено.

Однако, на наш взгляд, наиболее важным аргументом является существование в Константинополе двух совершенно разных реликвий Мандилиона и Плащаницы. Обе хранились в церкви Богоматери Фаросской и одновременно упоминаются в паломнических описаниях, начиная со второй половины XI в. В 1200 г. Николай Месарит, абсолютно информированный хранитель реликвий Фаросской церкви, сообщает о Нерукотворном Образе, запечатленном “словно на первообразном полотне”, и совершенно отдельно о другой святыне — реликвии “гробных пелен Христа”⁹⁶. В 1204 г. крестоносец Робер де Клари — единственный свидетель, который сообщает об образе Христа на его гробных пеленах,— в другом месте своего “Завоевания

Константинополя” говорит о реликвии Мандилиона⁹⁷. Таким образом, византийцы накануне Четвертого крестового похода знали о реликвии погребальных пелен с образом Христа (возможной Туринской плащанице), но не отождествляли эту святыню с Мандилионом.

На наш взгляд, наиболее вероятна версия, согласно которой Мандилион вместе с большинством реликвий Фаросской церкви оказался во владении Балдуина II, латинского короля Константинополя, который продал эти святыни французскому королю Людовику IX Святому. Согласно этой теории, в середине XIII в. Мандилион оказался в Сент-Шапель (Sainte-Chapelle) в Париже — готической придворной капелле, специально построенной для хранения Тернового Венца и других реликвий императорской Фаросской церкви. Реликвия Нерукотворного Образа бесследно исчезает лишь в 1792 г., во время разорения Сент-Шапель французскими революционерами-атеистами.

Надо отметить, что это единственная версия, опирающаяся на документальные свидетельства, а именно многочисленные описи 22 важнейших реликвий, с XIII в. хранившихся в особом ковчеге-реликварии над алтарем Сент-Шапель⁹⁸. Важнейшим среди описей является официальный акт от июня 1247 г., по которому Балдуин II официально передавал все права на 22 византийские реликвии королю Людовику IX⁹⁹. В этом протоколно точном списке главных реликвий Фаросской церкви на восьмом месте, между Железной цепью Христа и Камнем от Гроба, упоминается “Святой плат, закрепленный на доске (*sanctam toellam tabuae insertam*)”. В другом, еще более раннем, описании реликвий 1241 г. о священном предмете говорится, что это “Доска, которой во время снятия Господа с креста коснулся Его лик”¹⁰⁰. В других описях реликвия названа *tabula*, *тапра*, *тапрула*, “закрепленной на доске святой тканью (*trelle*) с ликом Господа Нашего Иисуса Христа”, “Вероникой”, “изображением святого лика Господа Нашего или Вероникой” и, наконец, просто “Святым Ликом”¹⁰¹.

Из ряда описей с XIII по XVIII в. становится ясно, что Людовик IX в числе реликвий Фаросской церкви, подлинность которых была подтверждена Балдуином II, получил некий плат с ликом Христа, который был закреплен на доске. Образ Христа позволил составителям инвентарей XVI в. отождествить его с римской Вероникой, выглядевшей как византийский Спас Нерукотворный. Более подробные описи и гравюры XVIII в. дают представление об устройстве и внешнем виде реликвария, который в Великом Реликварии Сент-Шапель располагался под крестом-реликварием Св. Копья справа от центрального Тернового Венца (ил. 15-16)¹⁰². Доска с платом была помещена в византийский плоский ларец с выдвигной крышкой (примерно 60 x 40 см). Он был покрыт тонкими пластинами позолоченного серебра и украшен драгоценными камнями (ил. 17). Описания не оставляют сомнений, что речь идет о небольшой ткани, закрепленной на доске. Весь фон по контуру лика был покрыт тонкими золотыми пластинами, оставляя видимым лишь само лицо Христа.

Среди реликвий Фаросской церкви только Мандилион соответствовал описаниям *Sancta Toella* из Сент-Шапель. Примечательно, что, как мы знаем из “Повести императора Константина” (25), плат с Нерукотворным Образом был

также прикреплен к доске и украшен золотым окладом. Достоверность древнего византийского свидетельства об Эдесской реликвии находит неожиданное подтверждение во французских инвентарях Нового времени. отождествление константинопольского Мандилиона и парижского Sancta Toella кажется нам более чем вероятным.

Однако против отождествления парижской реликвии с Мандилионом есть одно, но весьма существенное, возражение. Почему величайшая византийская реликвия осталась на Западе практически неизвестной? На наш взгляд, объяснение может быть найдено в том, что Людовик IX Святой создавал государственный, абсолютно доминирующий культ Тернового Венца, на который было получено особое благословение папы. Интересно, что в том же XIII в. папы создавали аналогичный по значению римский культ так называемой Вероники (vera icona) — Нерукотворного образа Христа на плате, почитавшегося в соборе Св. Петра¹⁰³. Особое почитание византийского Нерукотворного Образа в Париже составило бы опасную конкуренцию римскому культу. Не исключено, что некое забвение византийского Мандилиона (“Святого Плата”) в католическом мире было результатом особой договоренности между папами и французскими королями, своеобразной платой за полную поддержку Римом культа Тернового Венца и статуса Сент-Шапель как главного реликвария христианского мира. Впрочем, здесь мы должны остановить наши рассуждения, поскольку вступаем на зыбкую почву недокументированных догадок и логических предположений.

Видимо, окончательного ответа на вопрос о судьбе Мандилиона, равно как и двух реликвий Керамиона, мы дать не можем. С уверенностью можно лишь констатировать факт, что с 1204 г. в византийском мире реликвии Нерукотворного Образа более не существует. Однако для нашего сюжета гораздо важнее, что, с исчезновением реального предмета, жизнь Мандилиона как главного иконного образа Христа не только не прекратилась, но даже получила новый импульс к развитию. В сотнях списков Мандилион распространяется по всему православному миру, и особенно в Древней Руси. Стремление установить мистическую связь с реально существовавшей реликвией Истинного Образа являлось неиссякаемым духовным источником и постоянным стимулом к развитию иконографии Спаса Нерукотворного, которая стала доминирующей темой всего православного искусства.

1. В византийских источниках реликвия Нерукотворного Образа также именовалась himation, rakos, soudarion, ekmageion, heiromaktron, othony. Слово “Мандилион”, вероятнее всего происходящее от арабского mandil (полотенце), появляется в X в., а с XI в. надпись “IS CS. TO AGION MANDULION” получает распространение в византийских изображениях Нерукотворного образа Христа на плате в статусе официального названия реликвии и иконографического типа (ранний пример в каппадокийских росписях Каранлик Килисе в Гереме). История термина рассмотрена в работе: *Walter Chr. The Abgar Cycle at Mameik // Studien zur byzantinischen Kunstgeschichte. Festschrift für H. Hallensleben zum 65. Amsterdam, 1995. P. 223–224.*
2. Перевод греческого soudarion (плат, платок, покрывало). В древнейших старославянских рукописях евангелий так назывался платок, которым была повязана голова воскресшего Лазаря (Ин. 11:44). См.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. С. 723.
3. О Мандилионе существует значительная литература. Основной корпус греческих текстов опубликован в фундаментальном академическом издании: *Dobschütz E., von. Christusbilder: Untersuchungen zur christlichen Legende. Leipzig, 1899. Hft. I. S. 102–196, 158*–249*; Hft. II. S. 29**–156**.* Русские переводы и исследование ранних сирийских текстов, связанных с Мандилионом, см.: *Мещерская Е.Н. Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник. М., 1984; Она же. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.* История реликвии рассматривается наиболее подробно в статье: *Cameron A. The history of the Image of Edessa: the telling of a story // Okeanos: Essays presented to Ihor Sevcenko. Harvard Ukrainian Studies. 1983. Т. 7. P. 80–94* (с основной библиографией). Из новейших публикаций необходимо выделить сборник статей: *The Holy Face and the Paradox of Representation / Ed. H. Kessler, G. Wolf. Bologna, 1998*, а также два каталога: *Il Volto di Cristo, ed. G. Morello, G. Wolf. Roma, 2000; Mandyliion. Intorno al Sacro Volto, da Bisanzio a Genova. Genova, 2004*
4. По всей видимости, создателем Повести был один из приближенных императора Константина VII Багрянородного. Перевод греческого текста на русский язык специально подготовлен и впервые публикуется в приложении к данному изданию. Перевод выполнен по критическому изданию Добшюца. Новое критическое издание текста в настоящее время подготавливается Бернардом Флюзенем (B. Flusin). Заметим, что некоторые современные исследователи допускают непосредственное участие императора Константина в составлении Повести.
5. К примеру, древнерусское сказание было известно уже в Киевской Руси: оно до нас дошло в рукописи XIII в., язык которой указывает на более раннее происхождение текста. См.: *Мещерская, 1997. С. 143–152.*
6. Этот рассказ известен и в другой, более подробной, версии из текста “Послания Авгарю”, созданного в связи с перенесением из Эдессы в Константинополь в 1032 г. реликвии Письма Христа к Авгарю. Текст сохранился как в греческом оригинале, так и в переводах на многие языки. В нем говорится, что «Христос приказал посланнику Авгаря, по профессии художнику, прийти в синагогу, где он сидел, проповедуя народу. Посланный вошел в синагогу и стал писать образ

Иисуса, но ему никак не удавалось передать его черты. Тогда его спутник сказал: “Иди и дай плат, который ты имеешь от Авгаря”. И при всех подойдя, он упал в ноги Иисусу и отдал ему плат. Господь, омочив руки в воде, омыл лицо и наложив на лицо плат, запечатлел на нем свой лик. Так возникло изображение Иисуса на плате, что привело в изумление всех сидящих в синагоге. Передав плат посланнику, Христос отправил его к Авгарю». См.: Acta Apostolorum Apocrypha / Ed. R.A. Lipsius. Darmstadt, 1959. S.281–282 (пер. А.Ю. Никифоровой)

^{7.} *Евагрий Схоластик*. Церковная история. IV, 27 / Пер. и ком. И.В. Кривушина. СПб., 2001. С. 211–215).

^{8.} The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts / Ed. by J.A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinis. Camberley, Surrey, 1997. P. LI–LIII, 32–35. Русский перевод см.: Сказание о чудотворных иконах в “Послании восточных патриархов императору Феофилу” // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996. С. 429.

^{9.} *Евсевий Кесарийский*. Церковная история. I, 13. М., 1993. С. 41–44.

^{10.} *Egérie*. Journal de voyage (Itinéraire) / Ed. P. Maraval // Sources chrétiennes. Paris, 1982. P. 296.

^{11.} *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. II, 12. М., 1993. С. 119.

^{12.} Добшюц полагал, что легенда о Нерукотворном Образе возникла вскоре после осады Эдессы 544 г. в грекоязычных халкидонитских кругах этого города (*Dobschütz*, 1899. S. 120). Камерон связывала “обретение образа” с особой исторической ситуацией персидской военной угрозы в середине VI в. (*Cameron*, 1983. P. 84–86).

^{13.} Новое издание текста “Учения Аддая”: *Desreumaux A. Histoire du roi Abgar et de Jesus*. Turnout, 1993. Рус. пер. см.: *Мещерская*, 1997. С. 79–80, 64. Предание о рукотворном портрете нашло отражение в арабо-христианской “Всемирной истории” Агапия Манбиджского (около 941 г.): “Ханан, который был живописцем, после того как получил этот ответ Господа нашего мессии. — да будет Он славен! — написал на квадратной доске портрет Господа нашего мессии, — да будет Он славен! — прекрасными красками; и возвратился с этой картиной в Эдессу, где поднес ее своему правителю Абгару Черному. Абгар с великим благоговением принял это сокровище как небывалый дар” (Иисус Христос в документах истории. СПб., 1999. С. 441).

^{14.} Acta Thaddaei // Acta Apostolorum apocrypha. Lipsiae, 1891. S. 273–278; *Palmer A. Une version grecque de la légende d'Abgar* // Histoire du roi Abgar et de Jesus. Vrepols, 1993. P. 137.

^{15.} *Мовсес Хоренаци*. История. Ереван, 1990. С. 86.

^{16.} *Степанян Л.* Агиографический памятник “История рипсимянских святых” // Armenia and Christian East. Yerevan, 2000. С. 381. В армянской традиции существует несколько преданий об Авгаре и Нерукотворном Образе. Один экзотический апокриф, известный в текстах XII в., но восходящий к более древнему сирийскому оригиналу, рассказывает о нешвенном хитоне, явившемся с небес и посланном Авгарем Христу, их личной встрече по воскресению в Иерусалиме и иные не менее невероятные подробности, см.: *Март Н.Я.* Сочинение Иоанна Златоуста о нешвенном Хитоне, свыше

сошедшем, и история Авгаря, царя армян // Сборник учеников профессора В.Р. Розена. СПб., 1897. С. 81–96.

^{17.} В этом житии св. Даниила из Галаша (VI в.) говорится, что святой получал благословения от образа Христа в Эдессе. Однако это свидетельство рассматривается как позднейшая интерполяция, см.: *Drijvers H.J.W. The Image of Edessa in the Syriac Tradition // The Holy Face*, 1998. P. 17.

^{18.} *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книги III–IV. СПб., 2001. С. 213–214. В новейшей литературе этот рассказ в истории 594 г. иногда рассматривается как позднейшая интерполяция: *Chrysostomides J. An investigation concerning the authenticity of the Letter of the Three Patriarchs // The Letter of the Three Patriarchs*, 1997. P. XXIV–XXXVII. Дриверс на основе анализа сирийских источников поддержал мнение об интерполяции, сделанной в Константинополе около 787 г. По его мнению, самые ранние исторические свидетельства о Нерукотворном Образе Эдессы относятся к началу VIII в., а легенда складывается в Эдессе VII в. вокруг реального факта существования живописной иконы Христа, о которой говорится в тексте “Учения Аддая” начала V в., см.: *Drijvers*, 1998. P. 30. При этом мнение об интерполяции в тексте Евагрия не было поддержано целым рядом исследователей. См.: *Whitby M. Evagrius and the Mandylion of Edessa // Bulletin of British Byzantine Studies*, 20 (2000). P. 90–91. С мнением об интерполяции не согласны Бернар Флюзен и Кристофер Уолтер, которых искренне благодарю за обсуждение со мной этого вопроса.

^{19.} “Заняв город [Эдессу], император Никифор взял священную черепицу и, благоговейно уложив ее в изготовленный из золота и драгоценных камней ларец, отдал на сохранение в храм Богородицы, находившийся при дворце”: (Лев Диакон. История. IV, 10. М., 1988. С. 40). Основные сведения о реликвии Керамиона, см.: *Raff T. Das ‘heilige Keramion’ und ‘Christos der Antiphonites’ // Festschrift L. Kretzenbacher*. Munich, 1983. S. 145–149.

^{20.} Яхье Антиохийский сообщает, что Керамион был захвачен Никифором Фокой в сирийском городе Мемпетце (Иераполисе) в 966 г. (*Histoire de Yahya-ibn-Sa’id d’Antioche / Ed. J. Krachkovsky, A. Vasiliev // Patrologie orientale*, 18 (1924). P. 730–732). Согласно анонимному сказанию “О В Никифором Фокой чудотворного Керамиона из Иераполиса” (ВНГ 801 п), эта реликвия была 24 января 967 г. принесена в Константинополь, сначала во Влахернский храм, позже перенесена в Святую Софию, и, наконец, помещена в церкви Всех святых Большого императорского дворца. См.: *Halkin F. Inedits byzantines d’Ochrida, Candie et Moscou*. Bruxelles, 1963. P. 253–260.

^{21.} Предание дошло до нас в “Chronicon ad annum 1234 pertines”, основанном на более ранних сирийских текстах VIII–IX вв. См.: *Drijvers*, 1998. P. 24.

^{22.} *Микеладзе К.* Отражение легенды о нерукотворном образе Спаса в грузинском искусстве // Чудотворная икона, 1996. С. 90–95; *Skhirtladze Z. Canonizing the aroscupha: the Abgar cycle in the Alaverdi and Gelati Gospels // The Holy Face*, 1998. P. 69–93. Древнейшая дошедшая до нас грузинская энкаустическая икона, предположительно VI в., — чудотворный образ Анчисхатского Спаса (сейчас Музей искусств Грузии в Тбилиси) — принадлежала к иконографическому типу Спаса Нерукотворного. Согласно преданию, известному по грузинским

источникам XII в., икона была принесена апостолом Андреем из Иераполиса. Более поздняя версия сказания отождествляет икону с самим Эдесским образом, перенесенным в Константинополь и во время иконоборческих гонений императора Льва Исавра попавшим в Грузию (Ibid. P. 71–72).

^{23.} О присхождении Камулианского образа подробно рассказано в сирийской “Церковной истории” Захария Ритора (XII, 4), датируемой VI в.: *The Syriac Chronicle Known as that of Zachariah of Mitylene* / Transl. F.J. Hamilton and E.W. Brooks. London, 1899. P. 320; *Belting H. Likeness and Presence. A History of the Image before the Era of Art.* London, Chicago, 1995. P. 53–55. Существовала и другая версия возникновения, она изложена в “Слове на обретение Камулианского Нерукотворного Образа”, приписанном св. Григорию Нисскому и созданном, видимо, не ранее иконоборческой эпохи. См.: *Dobschütz.* 1899. S. 12***–18***.

^{24.} Рассказ приводит в своей “Хронике” Михаил Сириец: *Chronique de Michel le Syrien patriarche Jacobite d’Antioche (1166–1199)* / Ed. J.-В. Chabot. Paris, 1901. P. 476–477. См. анализ этого текста: *Drijvers,* 1998. P. 21–22. Дионисий Тельмахреский отмечает, что он узнал это предание от своего деда по материнской линии Даниила, сына Моисея Тур Абдинского. Таким образом, сам рассказ возник не позднее VIII в.

^{25.} *Segal J.B.* Edessa. “The Blessed City”. Oxford, 1970. P. 214.

^{26.} Рассказ изложен в Хронике 1234 г. (*Anonymi auctoris Chronicon ad annum Christi 1234 pertinens* / Ed. J.-В. Chabot. Louvain, 1916–1920, 1937, 1974. П,135, 101,102), но восходит к более ранним Историям Дионисия Тельмахреского и Феофила Эдесского, а также местным легендам, появившимся в VII–VIII вв., см.: *Drijvers,* 1998. P. 29.

^{27.} Март, 1897. С.90. Апокриф, известный в XII–XIII веках, восходит к более раннему сирийскому источнику.

^{28.} См.: *Segal,* 1970. PP. 250–251. Интересно, что этот чудотворный колодец почитался еще в XIX в. Согласно сказаниям армян Урфы (Эдессы), близ города находился “колодец Мандилиона” (Джеб аль-Мендиль): Авгарь исцелился от проказы водой, наполнившей колодец, в котором спрятан был Нерукотворный образ, см.: *Смирнов Я.И.* Слово X века о том, как чтился образ Спаса на Убресе в Эдессе // *Commentationes philologicae.* Сб. статей в честь И.В. Помяловского. СПб., 1897. С. 9.

^{29.} *Grebaut S.* Les relations entre Abrar et Jésus // *Revue de l’Orient Chrétien,* 21 (1918-1919). P.199-201

^{30.} Деяния VII Вселенского собора // *Деяния вселенских соборов.* Казань, 1891. Т. 7. С. 17 (Mansi, 13. Col. 192).

^{31.} *Gouillard J.* La vie d’Euthyme de Sardes // *Trauvaux et Mémoires,* 10 (1987). P. 35.

^{32.} *Georgius Syncellus.* Ecloga Chronographica / Ed. A.A. Moshammer. Leipzig, 1984. P. 399,21–400, 3; *The Chronography of George Synkellos. A Byzantine Chronicle of Universal History from the Creation* / Ed. W. Adler, P.Tuffin. A[ford, 2002. P. 477-478

^{33.} *Dobschütz.* 1899. S. 107**–114**. Перевод большей части этого текста см.: *Чудотворная икона,* 1996. С. 127–128.

34. *Cameron A. The Mandylion and Byzantine Iconoclasm // The Holy Face, 1998. P. 33–54.* На основе разнообразных источников автор показывает постепенный рост известности Мандилиона в эпоху иконоборчества, специально акцентируя роль палестинского монастыря Св. Саввы, обители Св. Иоанна Дамаскина, в этом процессе.
35. *De fide orthodoxa IV, 16; PG. T. 94. Col. 1173 A; Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры // Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания / Пер. Д.Е. Афиногенова, А.А. Бронзова, А.И. Сагарды. М., 2002. С. 313.*
36. *PG. T. 94. Col.1261B. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения / Пер. А. Бронзова. СПб., 1893. С. 24–25.*
37. *Grotz H. Beobachtungen zu den zwei Briefen Papst Gregor II. an Kaiser Leo III // Archivum Historiae Pontificiae, 18 (1980). S. 9–40.*
38. *Ibid.*
39. *Alexakis A. Codex Parisinus Graecus 1115 and its Archetype. Washington, 1996. P. 348–350.*
40. *Ibid. P. 348 (цит. в пер. А.Ю. Никифоровой).*
41. *См.: Мелиоранский Б.М. Георгий Кипрянин и Иоанн Иерусалимский, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901. С. 6, XX–XXII. Цит. в пер. А.Ю. Виноградова.*
42. *Chrysostomides, 1997. P. XXVII–XXXII.* Однако доводы автора убеждают далеко не всех исследователей. Пользуясь случаем, благодарю К. Уолтера и Б. Флюзена за обсуждение со мной этого вопроса.
43. Эта точка зрения, с указанием всех первоисточников, подробно обоснована в работе: *Афиногенов Д.Е. К проблеме Едесского Убруса и Послания трех восточных патриархов (в печати).*
44. *Nicephori Refutatio et Eversio / Ed. J.M. Featherstone (Corpus Christianorum, Series Graeca. Vol. 33). Turhout, 1997. 7, 54–56; 184, 56–59; Nicephori Antierhetici adversus Constantinum Copronymum // PG. T. 100, col. 260A, 461AB.*
45. *The Letter of the Three Patriarchs, 1997. P. 32–35; Чудотворная икона, 1996. С. 428.*
46. *The Letter of the Three Patriarchs, 1997. P. 150–153.*
47. *Чудотворная икона, 1996. С. 428.*
48. *Там же. С. 429.*
49. Одним из таких собирателей святынь был Лев VI Мудрый (886–912), см.: *Лидов А.М. Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // Чудотворная икона, 1996. С. 47, 61.*
50. Арабский историк первой половины XI в. Яхье Антиохийский сообщает интересную деталь: эдесский эмир просит разрешения на сделку у багдадского халифа, который собирает совет из кадиев и законников для решения вопроса о передаче Мандилиона грекам. См.: *Histoire de Yahya-ibn-Sa'id d'Antioche / Ed. J. Krachkovsky, A. Vasiliev // Patrologie orientale, 18 (1924). P. 730–732.*
51. *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С. 178.*

^{52.} Там же.

^{53.} Эти источники были недавно проанализированы в специальном исследовании: *Patlagean E. L'entrée de la Sainte Face d'Edesse à Constantinople en 944 // La religion civique à l'époque médiévale et moderne. Rome, 1995. P. 21–35.* Автор предполагает непосредственное участие в разработке ритуала внесения Образа в Константинополь самого императора Константина Багрянородного — автора знаменитого трактата “О церемониях византийского двора” (*De ceremoniis*).

^{54.} О Влахернском храме и его устройстве см.: *Papadopoulos J. Les palais et les églises des Blachernes. Thessalonike, 1928.* Под верхней церковью, возможно, имеется в виду находившаяся наверху “Священная омывальня” (*agion lousma*), где, по свидетельству Константина Багрянородного, находилось несколько почитаемых икон (*De ceremoniis. Col. 551–556*).

^{55.} Позднее, первая встреча Мандилиона с императором — целование Нерукотворного Образа во Влахернах было запечатлено в миниатюре XII в. из мадридской рукописи “Хроники Иоанна Скилицы” (л. 131а): *Grabar A., Manoussacas M. Eillustration du manuscrit de Skylitzé de la Biblioteque Nationale de Madrid. Venice, 1979. Fig. 158. P. 77, 157–158.*

^{56.} Этот эпизод изложен в так называемой Синаксарной версии несколько иначе: молодые императоры при участии патриарха Филарета несут ларец с реликвией на своих плечах, следуя от Влахерн к Золотым воротам. См.: *Synaxariu Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902. P. 897–904; Patlagean, 1995. P. 25.*

^{57.} *Лопарев Хр.* Старое свидетельство о положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании // *Византийский Временник. 1895. II/4. С. 581–590.*

^{58.} *Makk F. Traduction et commentaire de l'homelie ecrite probablement par Theodore le Syncelle sur le siege de Constantinople en 626// Acta Universitatis de Attila Jozsef nominata, Acta antiqua et archeologica 19, Opuscula byz.3 (Szeged 1975), 81 (Пер. А.Сагитов, К.Тасиц)*

^{59.} Новейшее исследование константинопольских «Золотых врат» средневизантийской эпохи, см.: *Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // Dumbarton Oaks Papers, 54 (2000). P. 173–188.*

^{60.} Согласно Повести в ларце находилось также Письмо Христа к Авгарю. По всей видимости, речь идет о копии прославленной эдесской реликвии, которая была перенесена в Константинополь только в 1032 г. Однако знаменательно стремление соединить в одном ларце-ковчеге обе святыни.

^{61.} См. праздничные минеи на 16 августа.

^{62.} О византийских триумфах VIII–X вв. см.: *McComick M. Eternal Victory. Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Paris, 1986. P. 131–188.*

^{63.} *McCormack S. Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley; Los Andgelos; London, 1981. P. 84–92.*

^{64.} *Скабалланович М.* Воздвижение Честного Креста. Киев, 1915. С. 9–10.

- ^{65.} The Syriac Chronicle Known as that of Zachariah of Mitylene / Transl. F.J. Hamilton and E.W. Brooks. L., 1899. P. 320; *Kitzinger E.* The cult of images in the age before Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*, 8 (1954). P. 99–100, 124.
- ^{66.} Об этой иконе см.: *Breckenridge J.D.* Christ on the lire-backed throne // *DOP*. 1980–1981. Т. 34–35. P. 247–260; *Лидов*, 1996. С. 53.
- ^{67.} *Беляев Д.Ф.* Byzantina. Кн. II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX–X вв. СПб., 1893. С. 16, 35, 47, 229, 244.
- ^{68.} Об этой церкви Theotokos tou Farou, построенной Константином V в середине VIII в. и перестроенной при Михаиле III (842–867), см.: *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Paris, 1953. I. Т. 3. P. 241–245 (на с. 244 см. подробный перечень реликвий по Николаю Месариту и Антонию Новгородскому); *Лидов А.М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // *Древнерусское искусство. Константинополь и национальные традиции*. СПб., 2004
- ^{69.} Повесть временных лет // ПЛДР. XI — начало XII века. М., 1978. С. 52–53.
- ^{70.} Заметим, что страстной и евхаристический смысл Мандилиона будет постепенно усиливаться в X–XII вв. по мере “литургизации” всей византийской культуры. Наиболее яркое подтверждение этого процесса можно найти в византийских иконографических программах. См.: *Герстель Ш.* Чудотворный Мандилион. Образ Спаса Нерукотворного в византийских иконографических программах // *Чудотворная икона*, 1996. С. 76–87.
- ^{71.} *Dobschütz*, 1899. S. 176.
- ^{72.} *Ibid.* S. 176–177.
- ^{73.} *Grabar, Manoussacas*, 1979. Fig. 246. P. 108.
- ^{74.} *Vita S. Pauli Junioris* // *Wiegand Th.* Der Latmos. Berlin, 1913. S. 127.
- ^{75.} *Dubarle A.-M.* L'homélie de Grégoire le Referendaire pour la reception de l'image d'Edesse // *Revue des études byzantines*. 1997. Т. 55. P. 5–51. См. также главу в книге: *L'image d'Edesse dans l'homélie de Gregoire le Referendaire* // *Dubarle A.-M., Leynen H.* Histoire ancienne du linceul de Turin. Paris, 1998. Т. 2. PP. 35–46.
- ^{76.} *Dubarle*, 1997. P. 28–29.
- ^{77.} Интересно, что свидетельство Григория Референдаря переключается с данными сирийского трактата о Нерукотворном Образе в Эдессе, дошедшего до нас в латинской рукописи X в. (*Vossianus Lat. Q 69*). В нем говорится об образе Христа, написанном кровью. См.: *Zaninotto G.* L'immagine Edessene: Impronta dell'intera persona di Cristo. Nuove conferme dal codex Vossianus Latinus Q 69 del secolo X // *L'indentification scientifique de l'Homme du Linceul Jesus de Nazareth*. Paris, 1995. P. 57–61.
- ^{78.} PG. Т. 109. Co1. 812A–813. Примечательно продолжение текста: впечатления молодых императоров истолковываются присутствовавшим при рассмотрении Мандилиона монахом Сергием. Видение глаз и ушей он связал с глазами Господними, обращенными к праведникам, и Его ушами — к их молитвам. Но лицо Господа повернуто к грешникам для изгнания с Земли памяти о них (Пс. 33:16). Это предсказание в контексте последующих исторических событий рассматривается как торжества праведного Константина Багрянородного и низвержения сыновей Романа Лакапина.

- ^{79.} *Ciggaar K.N.* Une description de Constantinople dans le Tarragonensis 55 // REB. 1995. Т. 53. Р. 120–121. Рус. пер. см.: Таррагонский аноним. “О граде Константинополе”. Латинское описание реликвий Константинополя XI века / Пер. Л.К. Масиеля Санчеса // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 158–159.
- ^{80.} *Bacci M.* Relics of the Pharos Chapel. A view from the Latin West // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003. С.246.
- ^{81.} *Bacci M.* La Vergine Oikokyra, Signora del grande Palazzo. Lettura del un passo di Leone Tusco sulle cattive usanze dei greci // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Serie IV. Vol. III, 1–2 (1998). Р. 261–279; *Лидов А.М.* Церковь Богоматери Фаросской..
- ^{82.} Одно из ранних свидетельств конца XI в. в т.н. “Анониме Меркати”, который основывается на греческом путеводителе по святыням Константинополя: Чудотворная икона, 1996. С. 439. Латинские свидетельства собраны в работе: *Bacci*, 2003. Помимо латинян о Нерукотворном Образе сообщает Антоний Новгородский. Перечисляя реликвии в “царских золотых палатах”, он указывает “убрус, на нем же образ Христов и керамиде две” (Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа новгородского в 1200 году / Под ред. Хр.М. Лопарева. СПб., 1899. С. 19).
- ^{83.} После перечисления 10 реликвий Страстей, названного Декалогом (по аналогии с Десятью заповедями), говорится о Мандилионе и Керамионе: “Представлю же тебе сейчас и самого Законодавца, запечатленного словно на первообразном полотне и начертанного на мягкой глине будто неким нерукотворным живописным искусством”. См.: *Nikoloas Mesarites.* Die Palastrevolution des Johannes Komnenos / Ed. A. Heisenberg. Wurzburg, 1907. S. 29–32; *Николай Месарит.* Декалог о реликвиях Страстей, хранящихся в церкви Богоматери Фаросской в Константинополе / Пер. А.Ю. Никифоровой // Реликвии. 2000. С. 129.
- ^{84.} См. прим. 16.
- ^{85.} В истории реликвии есть некая необъясненная странность. Согласно тексту Повести 944 г., Письмо Христа было принесено в Константинополь вместе с Мандилионом. Однако по другим византийским источникам (Георгий Кедрин, Иоанн Зонара), оно было захвачено в Эдессе в 1032 г. военачальником Георгием Маниаком, который и отправляет Письмо императору Роману Аргиру (PG. Т. 122. Col. 233 С; Т. 135. Col. 177 С). Письмо хранится в церкви Богоматери Фаросской и неоднократно упоминается паломниками до 1185 г., когда оно было украдено и бесследно исчезло.
- ^{86.} *Robert de Clari.* La conquete de Constantinople / Ed. P. Lauer. Paris, 1956. P. 82; *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 59–60. Любопытно, что автор излагает странное народное предание о возникновении образов Христа на плате и черепице, которое не имеет практически ничего общего с известнейшей легендой об Авгаре.
- ^{87.} *Лидов А.М.* Реликвия как иконный образ в сакральном пространстве византийского храма // Реликвии. 2000. С. 28–29; *Он же.* Мандилион и Керамион или образ-архетип сакрального пространства // Восточнохристианские реликвии. 2003. С. 249–280.

- ^{88.} *Flusin B.* Didascalie de Constantin Stilbes sur le Mandylion et la Sainte Tuile // *Revue des Etudes Byzantines*. 1997. Т. 55. Р. 53–79. Текст в рукописи поименован “Дидакалия блаженного монаха Кирилла, будущего епископа Кизика, который в это время был диаконом и дидакалом Халкитиса” (церкви Христа Халкитиса Большого императорского двора — *А.Л.*).
- ^{89.} *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Киев, 1895. С. 489–490.
- ^{90.} Сюжет выявлен и проанализирован в исследовании: *Grumel V.* Leon de Chalcedoine et le Canon de la Fete du Saint Mandilion // *Analecta Bollandiana*. 1950. Т. 68. Р. 135–152.
- ^{91.} *Ibid.* Р. 136–137, 143–152 (издание греческого канона, цитируемого Львом Халкидонским).
- ^{92.} *Weyl Carr A.* Leo of Chalkedon and the Icons // *Byzantine East, Latin West. Art-historical studies in honor of Kurt Weitzmann*. Princeton, 1996. Р. 579–584. Анализ богословского спора с подробной библиографией вопроса.
- ^{93.} Со ссылкой на “Ведомости С.-Петербургской полиции” (№ 80, от 9 апреля 1848 г.) приведено: *Дебольский Г.С.* Дни богослужения Православной Церкви. Т. 1. СПб., 1901. С. 77–78.
- ^{94.} Впервые выдвинута Яном Вильсоном в его ставшей бестселлером книге: *Wilson J.* The Shroud of Turin. The burial cloth of Jesus Christ? London, 1978. Р. 92–164. Подробнейшая аргументация в специальной монографии: *Dubarle A.-M.* Histoire ancienne du Linceul de Turin. Paris, 1985.
- ^{95.} Критику этой гипотезы см.: *Fiey J.M.* Image d'Edesse ou Linceul de Turin // *Revue d'Histoire Ecclesiastique*, 82 (1987). Р. 271–277; *Cameron A.* The Sceptic and the Shroud // *Cameron A.* Continuity and Change in the Sixth-Century Byzantium. London, 1981. V. Р. 3–27. В последнее время серьезная критика появилась и в среде синдологов: *Lombati A.* Impossibile identificare la Sindone con il Mandylion: ulteriori conferme da tre codici latini // *Approfondimento Sindone*, 2 (1998). Р. 1–30.
- ^{96.} *Николай Месарум*, 2000. С. 128–129.
- ^{97.} *Robert de Clari*, 1956. Р. 82; *Робер де Клару*, 1986. С. 59–60, 66.
- ^{98.} *Gould K.* The sequences de *Sanctis Reliquiis* as Sainte-Chapelle inventories // *Medieval Studies*, 43 (1981). Р. 315–341.
- ^{99.} *Riant P.* Exuviae sacrae constantinopolitanae. Geneve, 1878. Т. 2. Р. 133–135.
- ^{100.} Tabula quedam quam, cum deponeretur Dominus de cruce, ejus facies tetigit. См.: *Gould*, 1981. Р. 331–332, 338.
- ^{101.} *Ibid.* РР. 338–339.
- ^{102.} Свидетельства были рассмотрены в особой статье новейшего каталога: *Durand J.* La Sancta Toile ou “Veronique” // *Le trésor de la Sainte-Chapelle*. Paris, 2001. Р. 70–71.
- ^{103.} Согласно официальной легенде, “Вероника”, чудесно явившаяся на платке, которым Христос отер свой лик во время Крестного пути, была доставлена в Рим из Иерусалима. Для пап было политически важно, что великая святыня приходит в Рим непосредственно из Святого града. Исчезновение эдесской истории и связанных с ней представлений о константинопольском приоритете в этом предании кажется совершенно не случайным. Новейшие представления о

Веронике и ее многочисленным изображениям в западноевропейском искусстве см. в научном каталоге: *Il Volto di Cristo*. 2000. P. 103–167.